

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ВАРИАНТ

Николай Гарин-Михайловский
Вариант

«Public Domain»

1910

Гарин-Михайловский Н. Г.

Вариант / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1910

«Зима подходила к концу. На одном из участков новостроящейся дороги шли деятельные приготовления к предстоящему весной открытию работ. Начальник участка Кольцов уже после окончательных изысканий, закончившихся предыдущим летом, затеял изменить направление линии. Это изменение обещало серьезные сбережения, и Кольцов с двумя молодыми инженерами, проработав всю зиму в поле, напрягал все усилия закончить все работы к предстоящей через две недели сдаче подрядов. Торопиться нужно было для того, чтобы успеть провести и утвердить вариант до торгов и этим впоследствии избавиться от претензий подрядчиков на тему, что их подвели, что они понесли убытки вследствие уменьшения работ, и результатом таких претензий была бы неизбежная приплата подрядчикам казны двадцать процентов сбереженной против подрядов суммы...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Николай Гарин-Михайловский

Вариант

Зима подходила к концу. На одном из участков новостроящейся дороги шли деятельные приготовления к предстоящему весной открытию работ.

Начальник участка Кольцов уже после окончательных изысканий, закончившихся предыдущим летом, затеял изменить направление линии. Это изменение обещало серьезные сбережения, и Кольцов с двумя молодыми инженерами, проработав всю зиму в поле, напрягал все усилия закончить все работы к предстоящей через две недели сдаче подрядов. Торопиться нужно было для того, чтобы успеть провести и утвердить вариант до торгов и этим впоследствии избавиться от претензий подрядчиков на тему, что их подвели, что они понесли убытки вследствие уменьшения работ, и результатом таких претензий была бы неизбежная приплата подрядчикам казны двадцать процентов сбереженной против подрядов суммы.

Дни в усиленной полевой работе, вечера за вычерчиванием планов и профилей, короткий отдых, – в последнее время три-четыре часа в сутки, – изнурили и утомили Кольцова и двух его товарищей. Особенно подался Стражинский. Он так похудел, что жена Кольцова говорила, что у Стражинского остались одни глаза. Стражинский за зиму нажил себе страшный ревматизм; в последнее время еще простудился, кашлял и производил крайне ненадежное впечатление. Несмотря на двадцать семь лет, волосы его заметно стали седеть. Его изящная, стройная фигура сторбилась, красивое лицо осунулось, и только большие выразительные глаза выиграла, – они то зажигались лихорадочным, раздраженным огнем, то грустно-безнадежно смотрели на окружающих. Спокойный, воспитанный, он теперь едва сдерживал свое беспричинное раздражение.

– Вася, не мучь ты Стражинского, – говорила Кольцову, в редкие минуты отдыха, его жена, – право, по временам плакать хочется, глядя на него.

– Ну, что же делать, – отвечал Кольцов. – Мне назначено девять человек, из них прислали только двух, а остальных оставили пока при управлении. Вот скоро кончим, тогда дам ему хоть на месяц отдых. Ведь и я и Татищев так же работаем.

– Ты и Татищев здоровые, а он совсем не вашего поля ягода.

– А я тут при чем, – возражал Кольцов. – Не вводить же казну в миллионные убытки оттого, что Стражинский не на своем месте. Вот скоро кончим, тогда...

И Кольцов опять убежал в контору. Там в сырой, осенью только отделанной комнате, служившей прежде кладовой, занимались Стражинский, Татищев и Кольцов.

В сыром накуренном воздухе было угарно и тяжело. Стражинский работал молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздражение.

Татищев работал свободно, без напряжения.

– Экое отвратительное помещение, – ворчал Татищев, водя рейсфедером по бумаге и беспрестанно отбрасывая шнурок пенсне.

– Да, гадость, – согласился Кольцов.

– Гораздо лучше было нанять дом Мурзина, – ворчал опять Татищев.

Немного погодя Татищев опять заговорил:

– Невозможный рейсфедер, линейки порядочной нет. Вот этим рейсфедером я уже второй миллион экономии дочерчиваю. Хоть бы рейсфедер новый.

– Невозможные инструменты! – вставил Стражинский.

– Хоть бы в пикет сыграть, – продолжал Татищев, помолчав.

– Некогда, некогда, – отвечал Кольцов. – Кончим вариант, тогда и будем играть, сколько хотите.

– Никогда мы его не кончим, – отвечал Татищев и вдруг весело, по-детски расхохотался.

– Вы чего? – поднял голову Кольцов. Татищев продолжал хохотать.

– Мне смешно...

И Татищев опять залился веселым, добродушным смелом.

Кольцов, привыкший к его беспричинному смеху, только рукой махнул, проговорив:

– Ну, завел!

– ...что мы никогда не кончим, – закончил Татищев свою фразу и залился новым припадком смеха.

Кольцов и Стражинский не выдержали и тоже рассмеялись.

Татищев кончил, наконец, смеяться и снова принялся за рейсфедер.

Наступило молчание. Все погрузились в работу.

– А вы помните, Василий Яковлевич, ваше обещание? – начал опять Татищев.

– Какое? – спросил, не отрываясь, Кольцов.

– В отпуск меня пустить.

– Да, пушу, – отвечал Кольцов.

– Как в прошлом году?

– Ведь вы же знаете, что в прошлом году помешал вариант.

– То-то помешал, – самодовольно ответил Татищев. – А как вы еще какой-нибудь вариант выдумаете.

– Нет, уж это последний.

Татищев лукаво посмотрел на Стражинского.

– Да больше времени нет, да и работы скоро начнутся.

Татищев недоверчиво молчал. Стражинский опустил голову на руку и бесцельно уставился в стенку. Изможденное лицо его выражало страдание.

– Что, голова болит? – спросил Кольцов.

– Немножко, – ответил нехотя Стражинский.

– Вам, Станислав Антонович, необходим отпуск, – проговорил Кольцов.

– Ну, уж извините, – загорячился Татищев. – Я больше Станислава Антоновича просидел в этой трущобе.

– Да вы посмотрите на себя и Станислава Антоновича, – отвечал Кольцов. – Вы кровь с молоком, а он совсем высох.

– Я тоже болен, – отвечал Татищев, – у меня горловая чахотка начинается.

Кольцов и Стражинский улыбнулись.

– Смейтесь, – обидчиво отвечал Татищев. – Вы слышите, как я охрип.

– Ну полно, Павел Михайлович, – махнул рукой Кольцов.

– Вот и полно!

– Я не поеду в отпуск, – сказал Стражинский. – Мои финансы в таком беспорядке, что мне и думать нечего.

Стражинский жил на жалованье сто двадцать пять рублей в месяц и своих средств не имел. При безалаберной кочевой жизни, при неумении обращаться с деньгами ему не хватало, и он был весь в долгу. Окончательно его запутал Татищев, богатый человек, любивший хорошо поесть. Он умудрялся тратить на кухню до двухсот рублей в месяц.

– Я решил, знаете, Павел Михайлович, – продолжал Стражинский, – уехать от вас, а то с вами кончу тем, что все у меня продадут за долги.

– Я вовсе немного трачу, – обиделся Татищев, – вот поживите сами и узнаете.

– Ну, господа, пойдем спать, – сказал Кольцов, вставая. – Два часа.

Кольцов ушел наверх. Татищев скоро собрал инструменты и торопил Стражинского.

Стражинский медленно отрывался от работы.

– Скорее, – торопил Татищев. – Оставьте так, кто тут возьмет. Есть хочется, спать хочется. Ну и жизнь!

Стражинский раздраженно молчал, продолжая собирать вещи.

Татищев, одетый в шубу, уселся на табуретку и следил глазами за Стражинским.

– Измучит нас Кольцов, – начал он, помолчав. – Я понимаю, поработать и отдохнуть, но такая каторга изо дня в день, и из-за чего, спрашивается? Я второй год с ним. На двух линиях наделал вариантов, измучил себя, других, натратил своих уйму денег и в конце концов, кроме неприятностей, до сих пор ничего не получил. Обещал выхлопотать награды.

– Э, – досадливо проговорил Стражинский. – Какая тут награда! Кто ему ее разрешит? Экономия! Кому нужна эта экономия? Для казны экономия, *c'est bien original*¹.

Стражинский воспитывался за границей и любил французский язык.

– Ну, положим, это наша обязанность, – отвечал Татищев. – Но ведь всему должна быть мера, а ведь мы живем так, как будто через год нам ничего не надо будет. Истратить все силы в два-три года, а там что ж? Истаскаешься, куда ты тогда денешься?

– И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя, – ответил Стражинский, укладывая последний циркуль.

Он запер коробку, положил ее в стол, постоял несколько секунд, тупо глядя перед собой, потом досадливо махнул рукой и начал одеваться.

– Это жизнь! – продолжал он себе под нос. – Мечтает о премиях, себя и других морочит. Э! все равно. Идем.

– Вот, он говорит, на концессионных постройках премии давали, ну, там и можно было работать, – продолжал Татищев, идя с Стражинским по сонным улицам завода, где они жили, – но из-за чего здесь надрываться? Я не понимаю.

Стражинский молчал.

– Васька, скорей ужинать! – кричал Татищев, входя в квартиру.

Сонный Васька побежал на кухню, принес на блюде аппетитный кусок жареной телятины.

– Опять подливки мало, – заметил Татищев, подходя к опрятно накрытому столу. – А закуски почему не поставил? Тебе сколько раз я говорил, чтобы ставил по два стакана к прибору. И белого вина нет. Перчатки не надел. Я тебе сколько раз говорил, что я терпеть не могу, чтобы ты голыми руками подавал. Трогаешь ими бог знает какую гадость, а потом хлеб ими же подаешь.

Когда все было приведено в порядок, Татищев удовлетворенно сел за стол, аккуратно завязал себя салфеткой, снял пенсне и обратился к Стражинскому:

– Станислав Антонович, пожалуйста.

Сонный Васька стоял поодаль с вытянутыми руками в нитяных белых перчатках.

– Платок носовой, – приказал Татищев.

Васька бросился в другую комнату.

– Да ты что кидаешься, как сумасшедший, – остановил его Павел Михайлович. – Потеше не умеешь? Разве ты не понимаешь, что это неприлично.

Через минуту Васька беззвучно подал Татищеву несколько платков.

Татищев взял платок, посмотрел его номер (все его платки были занумерованы), посмотрел номер следующего платка, оставил себе первый по порядку, остальные отдал Ваське, сказав:

– Положи аккуратно на место.

Татищев уже совсем было приготовился к еде, но, взглянув на руки, проговорил:

– Нет, не могу, – потребовал умываться. Стражинский, раздраженно наблюдавший Татищева, потеряв терпение, сказал:

¹ это весьма оригинально (*франц.*).

– О, mon Dieu ², – лег на кровать и закрыл глаза. С четверть часа фыркал Татищев в соседней комнате. Слышались его возгласы:

– Лей сюда, ниже, ниже... Экий ты, Васька, бестолковый.

Наконец, умывшись, с расчесанной бородой, в чистой ночной рубаше и туфлях, Татищев окончательно уселся за стол. Он опять завязал салфетку, опять пригласил Стражинского и приступил к нарезыванию телятины. Это было целое священнодействие. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложились одна на другую. Широкая белая рука Павла Михайловича красиво водила большой нож, другая держала громадную вилку, воткнутую в телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

«Да, вот подите-ка, нарежьте так аккуратно. Это вовсе не так просто, как кажется. Тут все нужно рассчитать, чтобы вышла такая ровная пластинка. И нож надо именно вот так держать, и вилку на известном расстоянии. Вот теперь надо вынуть ее – поставить дальше». – И Татищев, вынув вилку, воткнул ее в другом месте.

И опять все его лицо говорило:

«Именно вот в этом месте. Теперь опять пойдут правильные ломтики».

И ломтики, действительно, пошли один правильнее другого.

– Ну, довольно, – досадливо проговорил Стражинский, раздраженно наблюдая Татищева.

– Теперь, пожалуй, и довольно, – согласился Татищев, когда половина блюда покрылась изрезанными ломтиками.

– Кто это съест? – заметил Стражинский.

– Не беспокойтесь, съем, – обидчиво заметил Павел Михайлович.

Ужин начался. Стражинский ел без всякого аппетита. Съев ломтик телятины, он потребовал себе стакан молока.

Павел Михайлович только головой соболезнующе покачал, аппетитно уплетая кусок за куском.

– Извините, – проговорил Стражинский, кончив свой стакан молока, – я встану, я так устал.

– А чайку? – встрепенулся Павел Михайлович. – Неужели не выпьете стаканчика горячего в кровати? Покамест вы будете раздеваться, чай будет готов. Васька, живо чаю!

Добродушное настроение Татищева подействовало, наконец, у на Стражинского.

Он с наслаждением вытягивался в кровати, говоря:

– Ох, как я устал! Мне каждый раз кажется, как я ложусь, что я уж не в силах буду никогда встать.

– Да, это безобразие, – согласился Павел Михайлович, оканчивая свой ужин и запивая стаканом вина.

Татищев, окончив ужин, быстро разделся и бросился в кровать. Через пять минут легкий посвист известил Стражинского, что Татищев благополучно прибыл в царство Морфея.

Стражинский долго еще ворочался на постели. Он с завистью и раздражением прислушивался к свисту Татищева. Несколько раз он то тушил, то зажигал свечку, отыскивая кусавших его клопов. Его ноги ныли от ревматизма, он то вытягивал их, то подбирал под себя, напрасно отыскивая положение, при котором боль не была бы так чувствительна. Тяжелые мысли бродили в его голове. Полученное письмо из дому вызвало целый ряд неприятных воспоминаний. Дела по имению у матери, некогда очень богатой, были в страшном расстройстве; второй брат, гимназист шестого класса, заболел скоротечной чахоткой, младший, двенадцатилетний мальчик и в этом году не попал в гимназию. «Ты одна моя радость и надежда», – заканчивала его мать свое письмо. Стражинский горько усмехнулся при мысли, если бы увидела она, что осталось от этой «радости».

² О боже мой (франц.).

Наконец, и над ним сжалился сон, хотя не крепкий, тревожный, заставлявший его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часов, когда уже порядочно рассвело, Кольцов с Татищевым и Стражинским взбирались по крутому откосу реки в том месте, где накануне остановилась их работа.

Кольцов первый взошел наверх и, в ожидании товарищей, осматривал местность. В этом месте река делала такой острый заворот, что приходилось пересекать ее на протяжении пятидесяти сажен два раза, вследствие чего получалось два громадных моста.

Вдруг у Кольцова мелькнула мысль, от которой ему сделалось и холодно и жарко.

«Что, если обойтись без мостов и речку отвести тоннелью под этой горой? – Мурашки пробежали у него по спине. – Что это, не схожу ли я с ума? Здравая или сумасшедшая это мысль? – Кольцов снял шапку и провел рукой по горячему лбу. – Надо спокойно обдумать», – решил он и стал шагами мерять длину горы. Длина тоннели получалась около 30 сажен; считая по 2 тысячи погонная сажень, выходило всего 60 тысяч, тогда как 10 сажен высоты моста стоили до 250 тысяч рублей. Кольцов радостно обернулся к товарищам.

– Господа! – крикнул он им возбужденным голосом.

– Новый вариант, – с отчаянием проговорил Стражинский Татищеву.

Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованные движения Кольцова.

– Знаете, – кричал им навстречу Кольцов, – мы без мостов здесь пройдем.

– Il finira par devenir fou ³, – сказал себе под нос Стражинский.

Сообщение Кольцова было выслушано недоверчиво, но когда он подтвердил его, Стражинский и Татищев не нашли возражений.

– Только когда же мы все это сделаем? – спросил Татищев.

– Я сам это сделаю. Вы пробивайте намеченную по плану линию, а я сейчас назначу магистраль и разобью профиля. Булавин, – обратился он к десятнику, – ты будешь их ватерпасить, и если завтра к вечеру кончишь, десять рублей награды.

– Будет готово, – отвечал весело Булавин. Работа была тяжелая. В глубоком снегу вязли ноги. К обеду Кольцов кончил свою работу и нагнал товарищей.

– Не пора ли закусить? – спросил он Татищева.

– Давно пора, – ответил Павел Михайлович.

Под деревом был разведен костер, для которого рабочие натаскали сухого хвороста; установили два камня – род очага, поставили на них чайник и стали разворачивать провизию. Хлеб замерз, говядина, пирожки тоже, пришлось все, кроме водки, отогреть. Всем этим заведовал аккуратно и не спеша Татищев.

Зная, что нарушение установленной дисциплины испортит расположение духа Татищева, Кольцов и Стражинский терпеливо ждали конца. Когда, наконец, все было установлено на чистой скатерти, Татищев любезно пригласил Кольцова и Стражинского завтракать.

– К вечеру кончите обход Герасимова утеса? – спросил Кольцов.

– Я думаю, – отвечал Стражинский. – Только выемка немножко будет больше, чем получилась по горизонталям. Шельма Лука наврал, верно, в профилях.

– Какая досада, что нельзя завернуться радиусом в сто пятьдесят сажен вместо двухсот; вся бы почти выемка исчезла, – заметил Кольцов.

– Да, тогда почти вся исчезла бы, – согласился Стражинский.

– Ведь это двенадцать тысяч кубов скалы по одиннадцати рублей – сто тридцать две тысячи рублей. Какая это рутина – радиус! При соответственном уклоне ведь не прибавляется сопротивления от более крутого радиуса.

³ Он кончит тем, что сойдет с ума (франц.).

– За границей на главных путях давно введен радиус даже в сто сажен, только там вагоны на тележках, – вставил Стражинский.

– А что мешает у нас их устраивать? – ответил Кольцов. – Ведь вы понимаете, какую экономию дал бы такой радиус в нашей горной местности?

– Громадную.

– На всю линию несколько миллионов, – ответил Кольцов.

Наступило молчание.

– Черт возьми, – заговорил Кольцов, – давайте, знаете, сделаем обход Герасимова на радиус двести и сто пятьдесят, – чем черт не шутит, может быть и разрешат? А?

Татищев и Стражинский успели уже переглядаться, и последний тихо пробурчал:

– Поехал.

– Никогда не кончим, – проговорил Татищев, заливаясь смехом и опрокидываясь на снег.

Кольцов сконфузился и покраснел.

– Странный вы человек, Павел Михайлович, ведь интересно же сделать так дело, чтоб не стыдно было на него посмотреть. Ведь обидно же даром бросать сотни тысяч. Вы представьте себе, куда мы с вами денемся, когда дорога будет выстроена, и кому-нибудь из комиссии придет мысль в голову об радиусе сто пятьдесят? Ведь тогда это будет, как на ладони.

– Да я ничего не возражаю против этого, – отвечал Павел Михайлович, – я вполне всему сочувствую, но где же время, ведь вы хотите поспеть к торгам?

– И поспею, – ответил Кольцов. – Тут ведь на день всего работы.

– Здесь на день, там на день, где ж этих дней набрать? – раздраженно ответил Татищев.

– Ну я сам это сделаю, – огорченно сказал Кольцов.

– Да я не к тому, – начал было Татищев, но Стражинский перебил его:

– Положим, мы как-нибудь успеем. Но только, по правде сказать, мало веры, чтоб из всего этого вышел толк. Ведь это значит переменить технические условия, когда они утверждены начальником работ Временного управления, министром. Пропасть работы всем, начиная от нас.

– Но ведь это все пустяки, тут о сотнях тысяч идет речь.

– Ну да, но когда их никто признавать не хочет.

– Но они существуют. Что нам за дело до других, лишь бы мы исполняли то, что должны.

– Ну да, конечно, – согласился Стражинский. – Я только хочу сказать, что можно какое хотите пари держать, что радиус сто пятьдесят не пройдет.

– Надежд, конечно, мало, – согласился Кольцов.

– Вот если б это было возле станции, где поневоле скорость должна быть меньшая.

– А ведь это идея; почему бы нам не расположить станцию вон в той луке? – Кольцов схватил профиль и стал внимательно ее рассматривать. – Станция поместится, – проговорил он. – Поздравляю вас, мсье, ваша идея блестящая.

Стражинский покраснел от удовольствия.

– Но ведь тогда расстояние между станциями не выйдет, близко слишком будет.

– А мы одну уничтожим – еще экономия, – быстро ответил Кольцов. – Нет, положительно сегодня, господа, у вас гениальные мысли.

У Татищева остановилось в горле замечание, что это опять новая работа.

– А обратили вы внимание, Василий Яковлевич, – заговорил Стражинский, – что при радиусе сто пятьдесят линия залезет в реку, – что скажет на это завод?

– Какое мне дело до завода?

– Как какое дело? Они по этой реке спускают баржи, они говорят уже теперь о том, что камни, которые будут падать в воду из выемок, должны быть вынуты, а если вся линия пойдет по реке, я не знаю, что они скажут.

– Ничего они не посмеют сказать, – больше в утешение себе сказал Кольцов и задумался.

– Ох, уж этот мне завод. Наделает он нам беды. Все, кроме воздуха, им принадлежит. Несчастный человек будет подрядчик!

– Они его разорят, – сказал Стражинский.

– А знаете, что мне пришло в голову? – сказал Татищев. – Что, если их самих затянуть в подряд? – И Татищев лукаво-добродушно подмигнул.

Кольцов широко раскрыл глаза.

– Павел Михайлович, голубчик, да вы гениальный человек! – закричал он. – Ведь эта идея такая же блестящая, как и со станцией?!

Татищев добродушно-весело смеялся.

– Ах, черт побери, – заволновался Кольцов. – В воскресенье же иду к управляющему уговаривать.

– Не согласится, – сказал Стражинский.

– Отчего не согласится? – возразил Татищев.

Кольцов по свойству своей натуры весь отдался новой идее затянуть завод в подряд. Вопрос действительно был серьезный, на десятки и сотни верст во все стороны от линии тянулась земля крупного заводчика. Земля, вода, лес, камень, песок – все было монополией владельца. Уже при постройке временной больницы Кольцов видел, как разыгрывается аппетит завода. За лес была назначена цена дороже городской. Только случаем Кольцову удалось дешево отделаться, – он купил готовый дом, а для пристроек запасся за дешевую цену несколькими срубам у местных крестьян. Заводское управление на такой прием Кольцова ответило приказом к местному населению, по которому жителям строго-настрога воспрещалось продавать лес агентам железной дороги под страхом навсегда лишиться права приобретать его по уменьшенным ценам из заводских дач.

Предстоящие работы и в других отношениях ставили строителей в зависимость от заводов. С утверждением нового варианта Кольцова, когда приходилось бы работать в воде, завод, по желанию, мог бы нанести неисчислимы убытки одним тем, что не вовремя стал бы выпускать излишнюю воду из своих прудов. Претензии на захват реки тоже могли легко повлиять на неутверждение нового варианта. Казна ничего так не боится, как возможности дать повод вчинать иски, зная по горькому опыту, чем они кончаются. Наконец, еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участия заводов в подряде. Администрация заводов состояла по преимуществу из горных инженеров. Все они в большинстве были поляки по происхождению, но, если можно так выразиться, примиренные, не чуждались общения с русскими, отличались гостеприимством и радушием, но по свойству всех людей имели склонность заниматься чужими делами. Кольцова осаждали вопросами о направлении линии, почему там, почему не здесь, почему такая цена, а не такая. Как это всегда бывает, они не так искали положительной стороны дела, как отрицательной. Объяснения Кольцова их мало удовлетворяли, они смотрели на него, как на человека, заинтересованного умышленно утаивать истину и старались сами найти ответ на неясные для них вопросы. Почва, таким образом, была из таких, на которой легче всего вырастают всякие нелепые и несправедливые слухи. Кольцов чувствовал, что, перерывшись он пополам, ему не поверят и всё объяснят по-своему. Единственная возможность заставить их правильно посмотреть на дело заключалась, таким образом, только в том, чтоб их самих втянуть в это дело, поставить их в такое положение, чтоб у них волей-неволей раскрылись глаза на истину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.